

Вэнь Ецай вовсе не удивился, что Юй Шанчжи захотел взять ученика, удивило его скорее то, что выбор пал на Кон Майю так скоро, да ещё и перед тем, как принять решение, он решил посоветоваться.

— Ученики — это, конечно, твоё дело. По-моему, эта девчонка Майя и правда смышлёная, — сказал он, вытирая стол. Последние дни, вероятно, из-за сбора урожая, дул ветер, и на всей мебели успел осесть тонкий слой пыли.

Юй Шанчжи взял тряпку и стал помогать, продолжив:

— В самом деле, мне приглянулось, что она грамотная, а, может, ещё и потому, что с малых лет видела, как болеет отец, так что у неё, похоже, есть интерес к врачеванию.

Вэнь Ецай не стал глубоко вдаваться в рассуждения, лишь одобрительно кивнул:

— Ну и замечательно. А ещё не из-за ли того, что ты сегодня с делом у Го-гера столкнулся, и подумал — иметь рядом помощницу из числа геров или девушек было бы совсем не лишним? Всё-таки тебе, как мужчине, есть моменты, когда нужно соблюдать приличия.

Юй Шанчжи невольно залюбовался, действительно, у Вэнь Ецай голова на плечах работает быстро и ясно. Подумав об этом, он тут же сказал вслух. Вэнь Ецай тут же загордился, точно щенок, которого похвалили, и с лёгкой самодовольной ноткой в голосе сказал:

— Я ведь с тобой под одним одеялом сплю. Если бы даже такую мелочь в тебе не смог разглядеть, тогда зря бы, выходит, делим постель.

— Какое ещё "спим или не спим"... — усмехнулся Юй Шанчжи. — Как скажешь такие серьёзные вещи, сразу будто и несерьёзные становятся.

Он бросил на Вэнь Ецай взгляд, забрал у него тряпку и прополоскал в стоящем рядом деревянном тазу.

А поделиться этой мыслью с Вэнь Ецаем он решил не только ради совета, была в этом и ещё одна причина:

— Просто если я всё же возьму Майю в ученицы, то и связь между нашей семьёй и семьёй Кон станет куда крепче.

Как говорится, "учитель на один день — как отец на всю жизнь". А семья, стоящая за Кон Майей, — кусок горячего угля. Пусть Кон И и идёт на поправку, ему всё равно не подняться на ноги до конца жизни. Сейчас их отношения с Юй Шанчжи можно объяснить просто: добросердечный лекарь помогает больному. Но если Кон Майя официально станет ученицей, то не ошибкой будет сказать, что две семьи уже почти как родня.

Юй Шанчжи ведь не был безродным одиноким человеком, напротив, он пришёл в дом как зять-чжусюй, и всё подобное, разумеется, нужно было предварительно обсудить с хозяином семьи Вэнь Ецаем. Каким бы добросердечным он ни был, тащить за собой всю семью, раздавая помощь направо и налево — тут одного поддержки, там другому помощи — даже самые крепкие хозяйственные запасы не выдержат.

Вэнь Ецай нагнулся, вместе с ним опустил тряпку в воду. Смахнуть нужно было всего лишь слой пыли, пустяковая грязь, промыл раз и готово.

— Я понимаю, о чём ты, — произнёс он спокойно. — Но в этом беды нет. Майя девчонка благодарная, не из тех, что позабудут добро. А Кон И тем более не такой человек, чтобы нарочно тянуть дочь назад. Когда окрепнет ещё больше, сможет зарабатывать хоть понемногу ремеслом, в доме не придётся думать, чем завтра котёл топить. Так что семья их устоит. А наше дело всего лишь подставить плечо.

Юй Шанчжи на миг задумался и всё-таки решил выложить все соображения до конца, чтобы ничего не оставалось недосказанным:

— Майя ведь не останется у меня единственной ученицей. В дальнейшем, если Эрню или Санья, да и наши будущие дети захотят пойти этой дорогой, это ничуть не помешает.

Услышав это, Вэнь Ецай на миг приостановился, а потом с лёгкой усмешкой посмотрел на Юй Шанчжи.

— Слушаю тебя и думаю, будто ты боишься: возьмёшь Майю в ученицы, а я стану тебя попрекать?

— Принять ученицу — дело немалое, — тихо ответил Юй Шанчжи. — Со временем она станет звать меня учителем, а тебя — шиму. Это не только наставление, но и забота.

Он накрыл ладонь Вэнь Ецай своей, в воде их пальцы переплелись.

— Потому-то я и хочу заранее сказать всё, что только можно — и то, что ты сам наверняка уже обдумал, и то, о чём, быть может, не догадался. Если из-за того, что я возьму Майю в ученицы, в нашей семье вдруг возникнет трещина, разве это не обернется нам во вред?

Вэнь Ецай даже и не знал, как подобрать слова, чтобы описать этого человека. Раньше, пожалуй, он бы счёл такие речи излишне женскими и мелочными, а теперь уже нет. Если уж и искать подходящее слово, пусть и приторное, то это слово «нежность».

Он ясно ощущал: Юй Шанчжи по-настоящему искренен, и эта искренность распространяется не только на него одного, но и на Эрню, и на Санья. Он ценит этот дом, потому и прежде чем решиться взять ученицу, долго и подробно советуется с ним. Ведь ученичество — не то же

самое, что на улице схватить кого-то за рукав, дать пару указаний и разойтись; это значит принять Кон Майя под их общее крыло. Как он только что сказал: один будет учителем, другой — шиму (супругом учителя). А когда пройдёт их век, после их смерти, вместе с детьми оплакивать их будут и ученики, и ученики их учеников.

Вэнь Ецай серьёзно всё обдумал и кивнул:

— Не бери в голову, я все равно скажу это: я согласен, чтобы ты принял Майю в ученицы. Твои знания и умение должны быть переданы дальше. Эрню точно не вариант, она ведь не из тех, кому учёба по душе: ты сам видел, как она у тебя учила иероглифы, в день выучит пять, три тут же забудет, хуже, чем я. А вот Санья...

Юй Шанчжи продолжил его мысль:

— Санья смыслённый, даже чересчур. Если он сам пожелает и дальше ходить в школу, я думаю, со временем наверняка пойдёт по пути императорских экзаменов. Медицина для него может остаться лишь увлечением, но ради этого никак нельзя задерживать его главное дело.

Вэнь Ецай согласился:

— Верно, я тоже так думаю, глядишь, со временем у нас и впрямь появится свой учёный-сюцай.

Он усмехнулся:

— А что до наших собственных детей, так они ещё и на свет не явились, чтобы о них гадать. Когда вырастут, тогда и будет видно, какой у них характер. Если будут в тебя, ещё ладно, а если в меня, то, боюсь, дорога им одна: в горы, учиться охотой промышлять.

Он смотрел на всё легко: ведь знания и мастерство принадлежат Юй Шанчжи, и кому тот захочет их передать, как именно, он не станет вмешиваться. Разве можно из-за того, что тот вошёл в семью как зять-чжусюй, не позволять ему передавать врачебное искусство чужой фамилии?

В конце концов он махнул рукой и сказал:

— Так и быть, при случае ты лучше сам спроси у Майи, согласна ли она. А то мы тут рассуждаем, а вдруг сама девчонка и не желает.

День уже клонился к вечеру, потому спрашивать не спешили.

На следующий день, как и следовало ожидать, Кон Майя ещё затемно пришла в поле, дожидаться, чтобы помочь с жатвой. К полудню два му сухой пашни, принадлежавших семье

Вэнь, были полностью убраны, и урожая едва-едва хватило на два ши зерна.

Под деревом достали заранее приготовленную еду и питьё, слегка утолили голод, и всей семьёй отправились на общий ток, где сложили снопы в крепкую кучу и, лишь убедившись, что всё надёжно уложено, со спокойным сердцем вернулись домой.

Сегодняшний день был особенным не только потому, что жатва подошла к концу: на пятый день пятого месяца выпадал Праздник лодок-драконов. Каждый год он совпадал со страдой, но в деревне мало кто мог позволить себе лепить цзунцзы: ведь для них нужен клейкий рис, а он дороже простого белого.

Семья Вэнь, разумеется, не поскупилась, и Вэнь Ецай позвал Кон Майю к ним домой. Даже если та не останется на ужин, то, по крайней мере, унесёт с собой пару цзунцзы.

Как всегда, Вэнь-эрню, подталкивая и уговаривая, привела её в дом; увидев, что клейкий рис всё ещё вымачивается в воде, Майя перестала стесняться: вымыла руки и уселась рядом, помогать в работе. Спустя некоторое время Эрню вынесла разноцветные шнурочки, сплетённые её руками, и надела каждому из семьи, а лишний протянула Майе. На конце пёстрого шнурка оставляли длинную кисточку — её называли «кисть долголетия». По обычаю, такую нить следовало носить до первого дождя после Праздника лодок-драконов, а затем обрезать и бросить в лужу.

Кон Майя опустила голову, внимательно рассмотрела разноцветный шнурочек и увидела, что тот и впрямь сплетён из пяти разных нитей, которые на свету словно переливались. Она поблагодарила Вэнь-эрню за подарок, а в душе уже раздумывала, чем могла бы отплатить за её доброту.

Что же до цзунцзы, то в деревне Селю, как и в тех краях, где в прошлой жизни жил Юй Шанчжи, на праздник полагалось есть сладкие. В доме заранее приготовили финики и арахис, да ещё и сварили горшочек красной бобовой пасты. Сначала сворачивали лист бамбука в треугольник, затем клали внутрь клейкий рис с начинкой, после чего обвязывали и завязывали узлом.

Так как цзунцзы тяжело переваривались, да и в жару не хранились долго, обычно делали ровно столько, чтобы хватило на один приём пищи. Когда свёртки уже поставили на пар в котёл, Юй Шанчжи и Вэнь Ецай, переглянувшись, поманили Кон Майю в дом.

— Майя, подойди-ка, — сказал Вэнь Ецай, — мы с твоим дядей Юй хотим с тобой кое-что обсудить.

У Кон Майи сердце екнуло, она вовсе не понимала, о чём пойдёт речь. Тонкое запястье, опоясанное пёстрой верёвочкой, казалось ещё более хрупким, кожа была смуглой, как у всех деревенских ребятишек.

Зайдя в дом, она так и не присела, лишь переплела пальцы обеих рук.

— Юй-ланчжун, неужели отцу снова стало хуже? — это была единственная причина, что приходила ей в голову.

Но Юй Шанчжи покачал головой:

— Твой отец в порядке, речь вовсе не о нём. Сейчас я хочу поговорить о тебе.

— О... обо мне? — девочка подняла глаза в полном недоумении.

И вдруг услышала такие слова, что ей показалось, что она ослышалась.

— Майя, я в деревне лечу людей уже немалое время и всё чаще понимаю, что одному мне не справиться, нужен помощник. Дома иногда Санья помогает мне переписывать рецепты, перебирает травы, но у него здоровье слабое, да и весной он почти наверняка пойдёт учиться в школу. Я же заметил, что у тебя есть интерес к врачебному делу, и потому хочу спросить: согласна ли ты войти ко мне в ученицы и учиться у меня медицине?

Эти слова словно удар колокола прозвенели в ушах Кон Майи. Юй-ланчжун...действительно хочет взять ее в ученицы?

Губы девочки судорожно шевельнулись, и лишь спустя долгую паузу она, запинаясь, произнесла:

— Я... я согласна. Только... я ведь всего лишь девочка, разве девочки тоже могут быть врачами?

Юй Шанчжи не ожидал, что её первой мыслью окажется именно этот вопрос, и мягко ответил:

— А почему бы и нет? Пусть нынешние порядки и ограничивают женщин, и кроме мужчин никто не может пойти по пути государственных экзаменов, но врачебное дело с этим не связано. Твой отец ведь тоже никогда не считал, что раз ты девочка, тебе не следует учиться грамоте, разве не так?

Кон Майя растерянно кивнула:

— Да, отец с детства говорил мне, что он не признаёт слов о том, будто "неучёная женщина — это добродетель". Его дочь пусть и не обязана свободно слагать стихи и речи, но читать и считать она должна уметь непременно.

Однако после того, как отец получил увечье и оказался прикованным к постели, Майя не раз сомневалась в этих словах. Умение читать и считать... что оно дало? Отец всё равно не может работать в поле, не в состоянии зарабатывать. А её саму рано или поздно всё равно выдадут замуж за какого-нибудь мужчину, и вся её жизнь превратится в нескончаемую беготню между полем, очагом и скотным двором с ребёнком на спине.

Но в этот миг она всё поняла. Если бы она не умела читать, то и возможность учиться медицине никогда бы ей не досталась.

Видя, что Кон Майя всё ещё стоит в полубезумном неверии, Юй Шанчжи сказал:

— Сначала я хотел услышать твоё собственное мнение. Если ты согласна, то мы выберем благоприятный день и совершим обряд принятия ученика.

Сказав это, он встретился взглядом с Вэнь Ецаем. Тот подумал немного и добавил:

— Майя, ты сначала скажи, что сама думаешь. Если хочешь, тогда уже дома переговори с отцом.

Обряд принятия в ученики — дело серьёзное, по правилам полагалось бы принести шушу (подарок при поступлении в учение). Но в семье Кон наверняка не сыщется ничего подобного, и Юй Шанчжи вовсе не собирался требовать. Он решил, что будет достаточно, если девочка принесёт ему чашку чая в знак почтения, и этим ритуал будет исполнен.

Кон Майя не до конца понимала все тонкости учёбы у наставника, но ясно знала одно: она уже и так в долгу перед семьёй Вэнь. Мысли, чувства, благодарность и смятение — всё в одночасье застряло в горле, почти доведя её до слёз.

— Я хочу быть вашей ученицей, — выдохнула она. — И отец непременно тоже согласится.

Юй Шанчжи улыбнулся:

— Вот и хорошо. Поговоришь дома с отцом, а потом приди и скажи нам.

В глазах Кон Майи блеснули слёзы, и она лишь поспешно закивала.

Вскоре во дворе раздался голос Вэнь-эрню: цзунцзы готовы!

Когда крышку котла сняли, густой аромат клейкого риса разлился по всему двору, так что даже Даван и Эрван задрали морды и жадно втягивали воздух. Вэнь Ецай сначала уложил для Кон Майи пять штук, но клейкого риса больному Кон И много есть нельзя, да и хранить такие пирожки всю ночь невозможно. В итоге, по настойчивым просьбам Майи, она взяла только три.

Зато Вэнь Ецай ещё сунул ей в руки два яйца, сваренные вместе с листьями для цунцзы, вкус у них тоже был с ароматом клейкого риса.

Тяжёлые, ещё горячие цунцзы и яйца Кон Майя держала в ладонях; выйдя за порог, она всё оборачивалась, а потом вдруг сорвалась с места и побежала. Добежав до дома, она прямо вбежала внутрь, чем до смерти перепугала Кон И, который сидел, привалившись к изголовью, и тренировал пальцы, перебирая несколько соломенных стебельков.

— Дочка, что случилось? Кто тебя обидел? — опешил Кон И.

Кон Майя, тяжело дыша, переступила порог, положила на стол цунцзы и яйца, и лишь немного отдышавшись, выпалила:

— Отец, Юй-ланчжун сказал, что хочет взять меня в ученицы, чтобы я потом вместе с ним лечила людей!

Что и говорить, они с отцом — настоящие отец и дочь: услышав эти слова, Кон И оцепенел и устался на неё в полном изумлении, ровно так же, как прежде Майя сама на Юй Шанчжи. Когда он наконец пришёл в себя, то, если бы не болезнь и скованное тело, непременно свалился бы с постели и трижды со всего размаху ударился бы лбом о пол.

Ведь это не просто формальное ученичество, а настоящая спасительная дорога для их семьи!

Кон И лучше кого-либо понимал, какого уровня мастерство у Юй Шанчжи: такого доктора, пожалуй, и в уездном городе приняли бы как дорогого гостя в любой клинике на постоянную должность. И вот такой человек согласился взять в ученицы простую деревенскую девчонку.

За короткие несколько вдохов Кон И успел подумать о многом, и наконец с глубокой серьёзностью сказал дочери:

— Майя, я ведь учил тебя: Небо, Земля, император, родители и учитель — таков порядок. Учитель стоит рядом с Небом и Землёй. Когда ты примешь Юй-ланчжуна в учителя, то должна будешь чтить его и Вэнь-гера так же, как чтить меня, твоего отца. Ты поняла?

Кон Майя яростно закивала.

— Отец, ты не волнуйся, я непременно буду усердно учиться у Юй-ланчжуна, стану настоящим доктором и тогда вылечу твою болезнь!

Кон И почувствовал, как в носу защипало, и торопливо провёл тыльной стороной ладони по глазам. Всё чаще он, взрослый мужчина, не мог сдержать слёз, а его дочка оказывалась куда сильнее и крепче.

— Хорошо, — сказал он, но в этом одном слове скрывалось бесконечное волнение и тяжёлые думы.

Он никогда не считал, что девочка не может стать доктором: он бывал в уездном городе и видел там женщин и герцов, что лечили людей. Мысль о том, что Кон Майя сможет перенять у Юй Шанчжи его умение, а затем, возможно, покинуть эту деревню и отправиться в другие места лечить больных, наполняла его сердце гордостью и умиротворением. Даже если бы в этот миг он закрыл глаза навеки, и то посчитал бы, что прожил не зря.

Но он не может позволить себе этого. Ему нужно держаться, жить как можно дольше — до того дня, когда Кон Майя повзрослеет и окончательно выйдет в люди, завершив обучение.

Обряд принятия в ученицы назначили после завершения летней жатвы. А пока что самым шумным и людным местом в деревне был общий ток для просушки пшеницы. После трёх дней палящего солнца зёрна уже потеряли часть влаги и теперь могли пройти обмолот.

Сначала каждому мужчине вручали по леньцзя — тяжёлому цепу для обмолота. Размахнувшись как следует, они били по снопам, чтобы выбить зерно. Люди выстраивались в ряд, удары звучали то слева, то справа, один за другим, и, чтобы идти в ногу, кто-то всегда брался задавать ритм, выкрикивая протяжные возгласы.

Затем на площадку выпускали тягловый скот: животные тянули за собой тяжёлый каток-лучжоу, многократно проходя по настилу соломы, и так зерно выколачивалось дочиста.

Юй Шанчжи с леньцзя обращаться не умел, да и сил у него на вид было не так много, потому ему велели заняться другим делом — погонять домашнего вола, чтобы тот тянул каток. Этому ремеслу он научился очень быстро: здесь главное не грубая сила, а смекалка. Как уложить солому, как повести скотину, чтобы та прошла по каждому пучку и не оставила пустых мест — всё имело свои правила. Стоило дважды-трижды пройти рядом с опытным старожилом, и он уже сам справлялся без ошибок.

Пока мужчины гревели цепами и обмолачивали зерно, женщины и геры тоже не сидели без дела. Они либо брали метлы и смахивали верхний слой мякины, либо наклонялись, выщипывая соломины: на стебле есть такой узел, где жёсткость в самый раз, из этого потом можно сплести разные вещи.

Дети же бегали с решётчатыми корзинами, собирая с земли коровий и ослиный навоз.

Но и на этом работа не заканчивалась: когда все зёрна были выбиты, предстояло ещё веяние. То есть в тот миг, когда поднимался ветер, нужно было подбрасывать зерно высоко в воздух, чтобы порыв унёс пыль и шелуху. Эта процедура была самой трудной, в деревне справиться с ней могли лишь старые мастера-пахари. Ведь если подбросить неправильно, и зерно смешается с мякиной, то весь труд пойдёт насмарку.

Самое же трудное в веянии — это дожидаться ветра. Ветер то есть, то вдруг стихает: когда он налетает, приходится в спешке работать изо всех сил, а когда затихает — бросать всё и переключаться на другую работу. В это время ещё не было ни ветродуев, ни даже самых простых ручных вееров, так что земледелие от начала и до конца зависело от прихоти погоды. В буквальном смысле жили по принципу «смотря на небо, едим хлеб».

В веянии зерна ни Юй Шанчжи, ни Вэнь Ецай участия не принимали. Опыта у них не хватало, а сунься туда без сноровки, только мешать будешь, поэтому их с утра отогнали в сторону складывать снопы в стога. Для этого использовали деревянные вилы: поддеваешь ими солому с земли и укладываешь в кучу. Юй Шанчжи понаблюдал, как работают другие семьи, и сделал вывод: это чем-то похоже на то, как валяют войлок — чем больше уминаешь, тем плотнее становится.

К тому же у каждой семьи были свои привычки: у кого-то стог выходил цилиндрическим, у кого-то круглым, у кого-то верх шёл конусом, а у кого-то походил на огромный гриб. У их семьи земли было мало, и соломы, соответственно, тоже немного, поэтому воздвигнуть такой же величественный стог, как у соседей, было невозможно, но сложить один поменьше вполне хватало.

Пока Юй Шанчжи повторял за Вэнь Ецаем каждое движение, тот рассказывал ему истории про стога:

— Каждый год после жатвы обязательно случаются ссоры из-за соломы. Сегодня, думаю, не обойдётся без этого, так что у деревенского старосты хлопот прибавится.

Ведь всегда найдутся те, кто любит поживиться дармовщиной: стоит только отвернуться — утащат чужой сноп для себя. А уж если поймают на таком, без ругани точно не обойдётся. А ещё бывало, что куры или утки забредали в чужие хозяйства и забирались прямо в стога, чтобы снести там яйцо. Иной хозяин, найдя в сене кладку, даже не задумывался, чья птица туда залезла, а просто присваивал добычу себе.

Не говоря уж о том, что в деревне немало молодёжи, которая по ночам использовала высокие стога как укрытие, чтобы тайком объясняться в чувствах.

— У нас тут всё так, — рассказывал Вэнь Ецай живо и с присущей ему насмешкой. — В страду всё внимание в поле, ни на что другое сил не остаётся. А вот стоит наступить передышке, сразу начинается: куры летают, собаки прыгают*.

(ПП: образно - суэта, суматоха)

Эти байки в его устах звучали так живо, что Юй Шанчжи невольно улыбался краешком губ.

В конце концов они сложили свой собственный стог, пусть и не самый красивый, но Вэнь Ецай хлопнул по нему ладонью и заявил, что вполне сгодится. Ведь впереди строительство нового

дома, а там и свинарник понадобится сложить, и для кур с утками солому время от времени менять, так что снопы все рано или поздно пойдут в дело.

К середине лета жатва подошла к концу. От собранного зерна сразу отложили часть на подати, остальное можно было оставить в доме на прокорм, а излишки повезти в город и продать в зерновые лавки.

Вот почему последние пару дней к Вэнь Ецаю один за другим приходили односельчане, прося одолжить воловью повозку, чтобы свезти зерно на торг. Своей семье в ближайшее время телега не требовалась, так что он дал в долг нескольким семьям, беря за каждый выезд туда и обратно по десять вэнь.

Когда всё было решено, каждая семья стала по очереди брать воловью повозку: в основном с утра вводили, а к полудню уже возвращали. Теперь в деревне никто не смел пренебречь семьей Вэнь, так что телегу всегда отдавали чистой и аккуратной, а заодно ещё и косили для вола охапку травы. Зерно тяжёлое, и под грузом повозка двигалась неторопливо, потому никому не приходило в голову подгонять. Вид у вола был довольный: каждый день он чинно отправлялся в дорогу, чинно возвращался, вечером ел досыта и пил вдоволь, а назавтра снова отправлялся на подработку.

Вэнь Ецай пересчитал монеты, что заработал их вол за несколько дней, и, довольный, нанизал их на шнурок, с которым отправился в деревню Шуймо покупать свинину. Вернувшись, он хотел на свежем, только что смолотом белом пшеничном тесте приготовить мясные баоцзы.

Юй Шанчжи пошёл вместе с ним: кроме покупки мяса, нужно было ещё раз навестить плотника Чжана. Для новой комнаты не хватало одной балки, а к тому же следовало заранее заказать двери и окна.

Прошло немало времени с тех пор, как они в последний раз были в Шуймо, и у обоих возникло ощущение, будто всё изменилось, словно вещи остались прежними, а люди стали другими.

Двор семьи Тан стоял как раз на пути, и, проходя мимо, они невольно бросили взгляд: в деревне кирпичные дома с черепичными крышами встречались редко. По идее, раз уж у семьи Тан никого не осталось, то этот дом наверняка должен был бы отойти каким-нибудь родственникам, но, пожалуй, из-за того, что Тан Вэнь умер прямо в нём, никто не решался там жить.

Они сперва отправились к плотнику Чжану, и, услышав, что им нужна балка, он сразу же провёл их во внутренний двор. Во дворе лежали штабеля древесины. Дому Вэнь требовалось лишь пристроить небольшую комнату, потому и к выбору балки не надо было подходить так придирчиво. Иное дело, если строить новый дом с нуля: балку для главного помещения хозяин непременно должен был сам выбрать в лесу, и даже время вырубки дерева определяли по благоприятному дню и часу.

— Здесь всё добротный лес: кедр, вяз, красный чунь, всё есть, — пояснил плотник Чжан.

То были самые распространённые материалы для балок. Среди них кедр и вяз стоили дешевле, а красный чунь был самым дорогим. Обсудив между собой, Юй Шанчжи и Вэнь Ецай выбрали в итоге вяз.

Однако выбранный вяз всё ещё представлял собой обычный ствол, и требовалось подождать, пока мастер Чжан подгонит его под размеры балки и просушит несколько дней — тогда можно будет использовать.

За это время дом как раз будет почти достроен. Что до дверей и окон, всё это самые простые образцы; хотя в доме теперь и водились лишние деньги, тратить их на такие мелочи никто не собирался. Новую комнату затеяли не ради показухи, а лишь потому, что в старом доме уже тесно невыносимо.

— Может, заодно сделать для Эрню сундук под одежду? — вставил Юй Шанчжи, вспомнив, что из этого бревна кроме несущей балки ещё останутся остатки древесины; он и спросил мастера, не сгодятся ли они для мебели.

Вэнь Ецай охотно согласился:

— Тогда пусть и правда смастерит сундук, потом будет ей приданое.

Ведь приданое готовят задолго: даже у богатых семей украшения и утварь копят по чуть-чуть, а если спохватиться лишь после помолвки, то наоборот будет выглядеть так, будто родители к свадьбе отнеслись несерьёзно.

Услышав, что заказов прибавилось, плотник Чжан сразу засиял улыбкой и тут же выдал целую горсть бесплатных благословений, один за другим. Пока он прикидывал, сколько нужно взять за работу, Вэнь Ецай, проводя ладонью по сложенным во дворе брёвнам, вдруг вспомнил ещё одно:

— А не заказать ли тебе лекарственный шкаф? Вижу, прежняя полка у тебя уже вся заставлена.

Юй Шанчжи это обдумывал и раньше, но сейчас всё же покачал головой:

— Не к спеху. Для аптечного шкафа дерево должно быть отборное, а к тому же сотни маленьких ящичков — это трудоёмко и дорого. Лучше немного погодить.

Вэнь Ецай тоже не стал настаивать. В прошлый раз, когда он приходил договариваться о стеллажах, выведал у плотника: в городских аптеках шкафы с сотнями отделений стоят по десять с лишним лян. Для них это сейчас явная роскошь. Раз уж Юй Шанчжи сам сказал подождать, значит, и правда стоит сберечь средства.

Распростившись с Чжаном, двое направились к дому мясника Цзяна. В этот раз они думали лишь о покупке мяса, поэтому вола с телегой не брали.

По дороге Юй Шанчжи заметил, что у многих дворов над входом висит кусок красной ткани, а у некоторых женщин и геров на поясе повязаны красные кушаки. Он указал на полосу ткани у чьих-то ворот и спросил:

— Это какой обычай?

Вэнь Ецай лишь скользнул взглядом и сразу понял:

— Это от сглаза и злых духов. У семьи Тан ведь вышло дело с человеческой смертью, да ещё оба насильственно погибшие, деревня такое очень не любит. Вот и вешают красное: если в доме беременная или маленькие дети, чтобы защитить. А те, у кого слабая судьба, тоже привязывают на себя.

Он прикинул, что наверняка жители деревни Шуймо ещё и вскладчину позвали даоса, чтобы провёл обряд. Но зная Юй Шанчжи, говорить лишнего не стал: докторам обычно не по душе разговоры о духах.

Когда они нашли мясника Цзяна, тот, отпуская мясо, ещё и пожаловался: мол, после того, как в деревне случилась та беда, многие люди из соседних сёл, что прежде часто к нему заходили, теперь обходят стороной.

— Все говорят — неудача, — пояснил Цзян, заноса нож и рубя рёбра на мелкие куски по указанию Юй Шанчжи. — Всё ж смерть случилась. Но для меня-то даже на руку, я ведь мясник, у меня домочадцы не пуганы: кому как не мне с тяжёлой аурой справляться? У меня и судьба крепкая, ничего не пристанет.

Когда расплачивались, помимо куска мяса и рёбер, Цзян добавил ещё свиные кости и целый тазик свиной крови и денег не взял.

— Жара ведь, всё равно это за бесценок отдаю. К тому же, благодаря Юй-ланчжуну, теперь в деревне народ наперебой требует требуху — и лёгкие, и печень, и кишки. В итоге с каждой свиньи я получаю серебра куда больше, чем раньше.

Оба, нагруженные мясом, двинулись домой. По дороге Вэнь Ецай прикинул:

— Кости и рёбра сложим в один котёл, сварим суп. А потом кости вытащим Давану с Эрваном погрызть. А вот свиную кровь... Ты сам как думаешь, как её лучше приготовить?

Юй Шанчжи заметил, как тот усмехается с каким-то подтекстом, и сразу раскусил:

— Что-то мне кажется, ты уже всё решил.

Вэнь Ецай отвёл глаза, но в голосе прозвучала улыбка:

— Решил-то я решил... Только не знаю, любит ли наш Юй-ланчжун жареную свиную кровь с чесноком и луком-джусаем.

Юй Шанчжи не был привередлив в еде и, конечно, не обошёл своим вниманием кулинарное старание Вэнь Ецай. Из целой тарелки обжаренной свиной крови он в одиночку умял почти половину. А к вечеру Вэнь Ецай на собственной шкуре прочувствовал всю силу этого блюда.

Упрямый на словах, но мягкий сердцем, да и телом тоже, он в итоге оказался полностью «съеден дочиста», и Юй Шанчжи, прижимая его к себе, невольно вспомнил недавние цзунцзы.

А вот мысли Вэнь Ецай текли в совсем другую сторону: даже если мясник Цзян потом станет приносить свиную кровь даром... Он совершенно точно больше этого не хочет!

(ПП: напоминаю, считается, что свиная кровь усиливает потенцию)

<http://bllate.org/book/13600/1205969>